

— Давно не виделись. — Взгляд Цзяо Чаньюэ перескочил через меня и упала прямо на Янь Куншаня.

Он прищурился, кажется, пораженный этой случайной встречей.

— Что ты здесь делаешь?

Я не мигая смотрю на его индикатор настроения, молясь, чтобы не увидеть никаких цветов, которые я не хочу видеть. И, к счастью, кроме того, что его показатель настроения немного упал, он не показывает никаких признаков того, что становится желтым или розовым. Аналогично, показатель настроения Цзяо Чаньюэ остается белым. Оба они явно не собираются разжигать старое пламя.

Такое развитие событий слишком стимулирует; я думал, что мне придется стать свидетелем мелодраматического воссоединения старых любовников. Я тихо вздохнул, желая найти место, где можно было бы прилечь с раскинутыми конечностями, чтобы расслабить свои напряженные нервы.

— Меня недавно повысили, и у меня повысилось давление, поэтому я пришла сюда за снотворным.

Порыв ветра пронесся мимо, Янь Куншань кивнул.

— Поздравляю.

Цзяо Чаньюэ не молода, но она явно заботится о себе, потому что выглядит на тридцать. На ее лице нет и намека на прошедшее время; на самом деле, время, кажется, только усилило ее уникальную, харизматичную ауру зрелости.

— Ты женился?

Эти слова прозвучали бы грубо из уст любого человека, но, когда их произносит она, они звучат непринужденно и беззаботно.

Янь Куншань на мгновение задумался, затем ответил:

— Нет.

— А стоило бы.

Она оборачивается, на секунду останавливает взгляд на мне, а затем поворачивается в сторону

Янь Ваньцю и продолжает:

— Ей нужна женщина в жизни, чтобы направлять ее.

Наконец, спокойный фасад Янь Куншаня, кажется, треснул, на нем мелькнуло недовольство. Но его тон был под контролем, когда он ответил:

— Тебя это не касается.

Под пологом над ними среди переплетающихся ветвей громко поют цикады.

На руке Цзяо Чаньюэ висит внушительных размеров кожаная сумка. Ее туфли на высоких каблуках, западные брюки и серебристый плащ придают ей особенно мужественный вид.

— Тогда я желаю вам удачи в поисках своей второй половинки как можно скорее.

Кажется, она чувствовала неприязнь Янь Куншаня, но, тем не менее, ее голос остается теплым и терпимым.

— Мой водитель ждет меня, так что я уже еду.

Она уходит огромными шагами, не оборачиваясь, чтобы попрощаться.

Янь Куншань на мгновение замирает, затем подходит ко мне и Янь Ваньцю, как будто всего этой встречи никогда и не было.

— Пойдемте.

Говорит он.

— Нам уже пора на прием.

Когда Янь Ваньцю ушла на беседу с терапевтом, мы устроились на скамейке в коридоре, чтобы подождать ее.

Я посмотрел на учебный плакат, висящий на белой стене напротив нас, а потом неожиданно спросил:

— Причина, по которой ты не веришь в любовь, это она?

Мужчина рядом со мной долгое время ничего не отвечал. В конце концов, я не смог удержаться и повернулся, чтобы посмотреть на него, но обнаружил, что он откинулся назад, прислонившись головой к стене, с закрытыми глазами. Значит, он спит.

Хорошо.

Я поджал губы, собираясь отвернуться, но тут мужчина, которого я считал спящим, заговорил.

— Половина, я полагаю.

Прежде чем я успел спросить дальше, он добавил:

— Она и Дин Байчжоу, каждый из них - половина причины. Она была моей старшой, моей наставницей, моей проводницей. У нас были одинаковые сны. Я думал, что был частью ее жизни, но на самом деле я был просто прохожим.

Он открыл глаза и скривил рот в усмешке.

— Любовь — это всегда первое, чем жертвуют, когда сталкиваются с реальностью и раздвоением идей. Раз уж так, лучше жить без нее с самого начала.

Он не стал вдаваться в подробности, так что мне трудно строить догадки, но... это звучит почти так, как будто Цзяо Чаньюэ бросила его? Как будто это было, жестоко и окончательно.

— Но любовь нельзя контролировать.

Это и моя личная дилемма тоже.

— Если бы это можно было контролировать, в мире не было бы так много жертв неразделенной любви.

Янь Куншань бросил на меня взгляд.

— Ты много думаешь для такого молодого человека.

Сопrotивляясь желанию вздохнуть, я скопировал его и прислонился головой к стене, закрывая глаза.

— Не так уж много.

Если бы любовь можно было контролировать, я бы решил не вкладываться так глубоко в первый раз, когда мне кто-то понравился.

После окончания сеанса терапии у Янь Ваньцю мы пообедали неподалеку от больницы, а после обеда Янь Куншань отправил меня к маме, как мы и договаривались. Ее новый дом находился не слишком далеко от больницы, и дорога заняла всего полчаса. Янь Куншань и Янь Ваньцю ждали внизу, а я поднялся наверх.

Я пытался угадать, что мама планирует мне подарить, даже предполагал, что она даст мне огромный красный конверт, чтобы я мог оплачивать свое проживание. В конце концов, она позвала меня в такую даль.

Но когда я, наконец, зашел в дом, и она принесла мне тапочки, чтобы я переобулся, она с ликованием вышла из гостевой спальни с пуховым одеялом. Очевидно, ее муж получил его с работы несколько дней назад, и она хотела, чтобы я использовал его, когда перееду в университет.

Поэтому она хотела, чтобы я проехал четыре часа в оба конца, чтобы подарить мне пуховое одеяло. Я хотел сказать ей, что дедушка уже приготовил для меня такие вещи, как одеяла, москитные сетки и туалетные принадлежности. Он такой старательный, что даже принес мне бутылочку для питья. Я также хотел сказать ей, что одеяло слишком большое и толстое для кровати в общежитии, ширина которой меньше метра, что в сентябре все еще нужны охлаждающие вентиляторы.

— На острове вы не найдете такого пухового одеяла высшего класса, посмотрите. Это стопроцентный гусиный пух.

Она выглядела такой взволнованной, что у меня не хватило духу что-либо сказать. По крайней мере, она искренне рада меня видеть.

— Это здорово, спасибо дяде.

Я взял у нее одеяло и не нашелся, что еще сказать. Вскоре мы оба погружаемся в неловкое молчание, ни один из нас не знал, о чем говорить.

Формально говоря, она сопровождала меня гораздо больше, чем мой отец, а после их развода я всегда жил с ней, так что мы не должны быть так далеки друг от друга, как сейчас. Но почему-то нам обоим трудно разговаривать после всего двух месяцев разлуки.

— Мянью Мянью, у тебя все хорошо?

Она выглядит нервной. Я полагаю, это потому, что за последние пару месяцев она звонила всего три раза.

На самом деле она попросила меня приехать не за одеялом, а потому что беспокоилась обо мне.

— Мне очень нравится остров Зеленой Сливы, и дедушка хорошо обо мне заботится. — Ответил я. — Тебе не нужно беспокоиться обо мне, я сам могу о себе позаботиться.

При этом мамино настроение начало снижаться, и она выглядела еще более виноватой.

— Скажи, ты хочешь остаться на ужин? Может, я приготовлю твою любимую жареную утку?

По правде говоря, я ей сочувствовал. Вполне естественно, что, встретив кого-то после долгого одиночества, во время медового месяца они думают только друг о друге, не оставляя места ни для кого другого. И я никогда не думал о переезде на остров Зеленой Сливы как о том, что меня бросила мама; честно говоря, оставаться с ней было бы более некомфортно.

Я покачал головой.

— Мой друг ждет меня, так что, может быть, в следующий раз.

— Понятно...

Она выглядела расстроенной.

Я отложил одеяло в сторону и подошел, чтобы обнять ее.

— У меня действительно все хорошо. — Заверил я ее. — Спасибо, что разрешила мне пожить с дедушкой.

И действительно, последние два месяца были счастливее, чем последние два года вместе взятые.

Когда я отпустил ее, глаза у мамы красные, а голос немного задышался, когда она говорила.

— Тогда в следующий раз. Как только начнется школа, приходи, когда захочешь. Я всегда буду рада тебе.

Я согласился, улыбнулся и кивнул. Затем я поднял одеяло и попрощался с ней.

Когда мы вернулись на остров, уже почти наступил обед. Когда я вышел из машины перед домом, Янь Куншань неожиданно позвал меня и сказал, что день был утомительным, поэтому он хотел пораньше лечь спать. Я не сразу понял, что он тонко намекает на то, что я не должен

навещать его позже.

— Хорошо, я понимаю.

Сказал я, кивая немного смущенно.

Я смотрел, как его машина уезжает в сторону его собственного дома, уныло размышляя про себя: как и ожидалось, Цзяо Чаньюэ повлияла на него больше, чем он мог себе представить.

Так как вечером я не смог поехать к Янь Куншаню, поэтому я поехал на Черепашьем Короле к Сунь Жую. Густой лес фруктовых деревьев примыкает к задней части ее дома, и сегодня ее обязанность - сторожить. Поэтому в итоге я отправился в гору, чтобы поискать ее в бамбуковой хижине, которая расположена на платформе в трех метрах от земли, и попасть в нее можно только по лестнице. Под платформой сидела огромная немецкая овчарка.

Я нашел Сунь Жуй там, она лежала на циновке и смотрела на свой телефон, ее ноги раскачивались взад-вперед. Она заметила меня и села.

— Юй Мян, что привело тебя сюда?

— У тебя есть алкоголь? — Спросил я.

Она некоторое время наблюдала за мной, затем достала бутылку с прозрачной жидкостью. В ней плавали маленькие зеленые сливы.

— Как насчет папиного зеленого сливового вина ручной работы?

Неважно, думаю я. Любое вино, от которого можно опьянеть, - хорошее вино. Я судорожно киваю, хватаю бутылку и выпиваю три больших глотка за один раз.

— Эй! Это байцзю, полегче!

Сунь Жуй сидит передо мной, скрестив ноги, потрясенная. Она берет пакет с вялеными кальмарами и бросает его мне.

— Что с тобой происходит?

Я вытер рот. Вино превращается в огонь, прокладывая тоннель прямо к моему желудку и сжигая все на своем пути.

— Как у тебя дела с Вэнь Ином?

— Я думаю, он заинтересован во мне.

Она прижимает руку к щеке и сладко улыбается.

— Я почти у цели.

— Мило. — Завистливо ответил я. — Кажется, у меня скоро разобьется сердце.

Байдзюцу из зеленой сливы очень крепкий, с высоким содержанием алкоголя. От него легко опьянеть. Несмотря на то, что я выпил всего три глотка, моя голова уже пульсировала, а лицо начинало гореть.

—Что? У тебя есть кто-то, кто тебе нравится?

Спросила Сунь Жуй, удивляясь.

— Кто?

Я сжимаю бутылку вина в руках, катая ее по коврику. Внезапно я больше не хочу держать это в секрете.

Сунь Жуй однажды сказала:

— Если у тебя есть только пенис, а все остальное у тебя хреново, лучше сказать, что ты не подходишь для своего пениса, чем что это безрассудная трата благословения небес.

Я не думаю, что кто-то, кто позволяет подобным словам слетать с ее уст, сочтет меня отвратительным. Неужели? К черту. Думаю, я задохнусь, если мне придется держать это в секрете еще дольше. Даже если она начнет презирать меня, она, по крайней мере, позволит мне закончить разговор.

—Янь Куншань.

Его имя прозвучало тихо.

Воздух становится неподвижным; Сунь Жуй выглядела ошарашенной.

Жгучий алкоголь придал мне смелости, и я украдкой бросил на нее взгляд.

Ее брови сошлись в кучку.

— Ты решил начать с одного из самых сложных?

Юй Мянью: «...»

В этом вообще есть смысл?

Сунь Жуй моргнула, приходя в себя. И вдруг она чуть не подпрыгнула в воздух.

— Боже мой, Юй Мянью, тебе нравятся мужчины?

Кроме удивления, у нее нет другого выражения лица, поэтому я медленно расслабился.

— Да, мне нравятся мужчины.

Я качнул головой вверх-вниз.

— Но он не любит.

— Неудивительно, что ты отказался быть моим парнем.

Пробормотала она про себя. Она утвердительно хлопнула себя по груди, клянясь:

— Не волнуйся, я сохраню это в тайне!

Она слушала, как я выкладываю ей все, все свои сложные чувства безответной любви. Когда я заканчиваю, уже за полночь, и мы опустошаем пакет с вялеными кальмарами.

Сунь Жуй советует мне быть непредвзятым.

— Знаешь, в море много рыбы. Ты можешь найти кого-то еще.

Пустая бутылка вина в руке, мой язык начинает спотыкаться о слова.

— Нет, я просто... просто хочу его!

Ранним утром я бессистемно спускался из бамбуковой хижины, крича, что собираюсь домой. Сунь Жуй бросилась вниз, чтобы остановить меня, говоря, что слишком опасно идти домой одной, и что она пойдет со мной.

Я зацепился за один из столбов, поддерживающих бамбуковую платформу, и почему-то начал плакать.

— Нет! Отпустите меня домой одного, я хочу идти домой один! — Причитал я.

Сунь Жуй шептал мне утешительные слова, соглашаясь, но в конце концов ей удалось забрать меня оттуда с помощью своего отца. Мы отправились на двух мотоциклах:

Сунь Жуй на одном, я и ее отец на другом, и они вдвоем доставили меня к моему дому. Сунь Жуй припарковала Короля Черепах во дворе, затем порылась в карманах в поисках моих ключей и отвела меня в дом.

Дедушка уже давно лег спать. Даже раскаты грома его не разбудят. Я, спотыкаясь и оступаясь, поднялся по лестнице. Окно в моей спальне открыто. Я подхожу к нему торопливыми шагами, а затем в оцепенении смотрю на соседний двор.

— Это так трудно...

Я не могу контролировать слова, вылетающие изо рта, но мой разум достаточно трезв. Алкоголь проникает в мою голову, высвобождая сдержанность, которую я обычно проявляю к своим эмоциям.

Не раздумывая ни секунды, я развернулся и побежал вниз по лестнице, вышел через парадную дверь и продолжал идти, пока не оказался перед домом Янь Куншаня, звонящим в его дверь.

Я глупо улыбнулся ему, когда он появился за открытой дверью.

— Юй Мянью?

— Почему я тебе не нравлюсь?!

Закричал я, упираясь ему в грудь и цепляясь за его талию.